

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

БИБЛИОТЕЧКА ИЗБРАННОЙ ЛИРИКИ

КОНСТАНТИН
ВАНШЕНКИН

Библиотечка
избранной
лирики

КОНСТАНТИН
ВАНШЕНКИН

Издательство ЦН ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1967

Редакционная коллегия:

**И. ГРУДЕВ, Ю. ДРУНИНА,
С. НАРОВЧАТОВ, В. ОСИПОВ,
Б. РУЧЬЕВ, Я. СМЕЛЯКОВ,
Н. ТИХОНОВ, Вас. ФЕДОРОВ.**

Ваншенкин Константин Яковлевич

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА. М., «Молодая гвардия». 1967.
32 с. («Б-чка избранной лирики»)

Редактор *И. Грудев*
Художник *А. Власова*
Худож. редактор *Н. Коробейников*
Техн. редактор *Л. Никитина*

A00766. Подп. к печ. 7/11 1967 г. Бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л. 1(1,4).
Уч.-изд. л. 1,2. Заказ 2432. Тираж 240 000 экз. Цена 6 коп.
Т. П. 1967 г., № 381

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сушевская, 21.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

1925 год рожденья был особым годом. В начале войны всем советским людям этого возраста было по шестнадцати лет. Они кончали школу или начинали работать. Год спустя все мальчики 25-го года рожденья были в окопах.

Из отрочества они прямо шагнули в зрелость, минувшая молодость. Война быстро выросла людей.

Сколько их было? Полтора-два миллиона. Сколько их осталось? Совсем мало. Двадцать пятый год рожденья — это солдаты, сержанты, изредка младшие офицеры. Этот возраст прикрывал Отечество в самом прямом смысле слова грудью, как Матросов.

У Отечественной войны было много поэтов. Одних называли солдатскими, других — офицерскими.

Константин Ваншенкин стал поэтом 25-го года рожденья.

Первый важный жизненный шаг, который он сделал, был шагом из самолета в бездну. Военная специальность сержанта Ваншенкина — десантник, парашютист.

В первом стихотворении поэта, которое заметили и запомнили, повторяется строчка «старшины, мои старшины». У нас, людей постарше, отношения со старшинами складывались по-всякому. А для Ваншенкина старшины были именно «мои старшины» — первые в жизни учителя после школьных.

Итак, школа на рабочей окраине Подмосковья. Парашютные войска. Для точности — пятнадцать прыжков. Потом — пехота. Бои в Венгрии, в Австрии.

Потом — Литературный институт Союза писателей в Москве, голодный, холодный, напряженный. Двадцать лет честного и талантливого литературного труда. Обыкновенная, как принято говорить, биография, в необыкновенное, как принято добавлять, время.

Слог у Ваншенкина — неторопливый, основательный, степенный. Как в жизни, так и в литературе. В редком стихотворении — более тридцати строк. Разглагольствовать он не любит. Врать в стихах не то что не привычен, а попросту не обучен. В поэзии Ваншенкина есть качества хорошей прозы: ясность, содержательность, внимание не только к себе, но и ко всему остальному человечеству. Однако в лучших его стихах — доподлинная поэзия, так, как ее определял Мопассан: лучшие слова в лучшем порядке.

Ваншенкин много думает и часто пишет о войне и о ее людях, дождавшихся и не дождавшихся победы.

Иногда сочиняет песни. Одна из них настолько запета, что все позабыли автора. Это «Я люблю тебя, жизнь». Никогда не выступает со стихами на эстраде. Опубликовал несколько небольших повестей.

В этой книжице — немного стихов, примерно по одному на каждый год работы в поэзии.

Борис Слуцкий

МАЛЬЧИШКА

Инне

Он был грозой нашего района,
Мальчишка из соседнего двора,
И на него с опаской, но влюбленно
Окрестная смотрела детвора.

Она к нему пристрастие имела,
Поскольку он командовал везде,
А плоский камень так бросал умело,
Что тот, как мячик, прыгал по воде.

В дождливую и ясную погоду
Он шел к пруду, бесстрашный, как всегда,
И посторонним не было прохода,
Едва он появлялся у пруда.

В сопровожденье преданных матросов,
Коварный, как пиратский адмирал,
Мальчишек бил, девчат таскал за косы
И чистые тетрадки отбирал.

В густом саду устраивал засады,
Играя там с ребятами в войну.
И как-то раз увидел он из сада
Девчонку незнакомую одну.

Забор вокруг сада был довольно ветхий —
Любой мальчишка в дырки проходил, —
Но он, как кошка, прыгнул прямо с ветки
И девочке дорогу преградил.

Она пред ним в нарядном платье белом
Стояла на весеннем ветерке
С коричневым клеенчатым портфелем
И маленькой чернильницей в руке.

Сейчас мелькнут разбросанные книжки —
Не зря ж его бояться как огня...
И вдруг она сказала: — Там мальчишки...
Ты проводи, пожалуйста, меня...

И он, от изумления немея,
Совсем забыв, насколько страшен он,
Шагнул вперед и замер перед нею,
Ее наивной смелостью сражен.

А на заборе дряхлом, повисая,
Грозя сломать немедленно его,
Ватага адмиральская босая
Глядела на героя своего.

...Легли на землю солнечные пятна.
Ушел с девчонкой рядом командир.
И подчиненным было непонятно,
Что это он из детства уходил.

1951

СЕРДЦЕ

Я заболел. И сразу канитель —
Известный врач, живущий по соседству,
Сказал, что нужно срочно лечь в постель,
Что у меня весьма больное сердце.

А я не знал об этом ничего.
Какое мне до сердца было дело?
Я попросту не чувствовал его,
Оно ни разу в жизни не болело.

Оно жило невидимо во мне,
Послушное и точное на диво.

Но все, что с нами было на войне,
Все сквозь него когда-то проходило.

Любовь, и гнев, и ненависть оно,
Вобрав в себя, забыло про усталость.
И все, что стерлось в памяти давно,
Все это в нем отчетливым осталось.

Но я не знал об этом ничего.
Какое мне до сердца было дело?
Ведь я совсем не чувствовал его,
Оно ни разу даже не болело.

И, словно пробудившись наконец,
Вдруг застучало трепетно и тяжело,
Забилось, будто пойманный птенец,
Засунутый, как в детстве, под рубашку.

Он рвался, теплый маленький комоч,
Настойчиво и вместе с тем печально,
И я боялся лечь на левый бок,
Чтобы не придавить его случайно...

Светало... За окошком, через двор,
Где было все по-раннему пустынно,
Легли лучи. Потом прошел шофер,
И резко просигналила машина.

И стекла в окнах дрогнули звеня,
И я привстал, отбросив одеяло,
Хоть это ждали вовсе не меня
И не меня сирена вызывала.

Открылась даль в распахнутом окне,
И очень тихо сделалось в квартире.
И только сердце билось в тишине,
Чтоб на него вниманье обратили.

Но гул метро, и дальний паровоз,
И стук буксира в Химках у причала —
Все это зазвучало, и слилось,
И все удары сердца заглушало.

Верней, не заглушало, а в него,
В певучий шум проснувшейся столицы,
Влились удары сердца моего,
Что вдруг опять ровнее стало биться.

Дымки тянулись медленно в зенит,
А небо все светлело и светлело.
И мне казалось — сердце не болит,
И сердце в самом деле не болело.

...Ты слышишь, сердце?
Поезда идут.
На новых стройках начаты работы.
И нас с тобой сегодня тоже ждут,
Как тот шофер в машине ждет кого-то.

Прости меня, что, радуясь, скорбя,
Переживая горести, удачи,
Я не шадил как следует тебя...

Но ты бы сердцем не было иначе.

1952

* * *

Самая насущная забота
Всякого труда и ремесла —
Это чтобы новая работа
Лучше прежней сделана была.

Но бывают в жизни неудачи,
Вещи с незавидною судьбой,
Бледные. И так или иначе
Хуже прежде сделанных тобой.

И начнешь, случается, до срока
Убеждать себя же самого:
«Это положительно неплохо,
Нет, ей-богу, это ничего...»

Будь недолгим это заблужденье, —
Ты вперед, мечта моя, лети!
Новой песни светлое рожденье
Будет мне наградою в пути.

Пусть труднее будет год от года
Добиваться, сидя у стола,
Чтобы наша новая работа
Лучше прежней сделана была.

1953

ЗИМНИЕ СУМЕРКИ

Зимних сумерек тонкие краски
Удивительно дороги мне.
Сколько доброй, застенчивой ласки
В осветившемся первом окне!

Сколько легкой и радостной грусти,
Так и рвущейся из берегов,
В тишине и в медлительном хрусте
Раздающихся где-то шагов!

Нет мороза сегодня в помине,
Ожидается скоро теплынь,
И торчит на бескрайней равнине
Из-под снега сухая полынь...

И приходят хорошие мысли,
И мечты у тебя широки...
В небе первые звезды повисли,
В окнах тоже горят огоньки.

Постепенно все больше темнеет.
Лишь вдали, где на взгорке село,
Так полоска зари пламенеет,
Словно там еще день и светло...

1954

СТУДЕНТКИ

Среди цветущей мать-и-мачехи,
Среди пробившейся травы
Учебник высшей математики
И три девичьи головы.

А в небе облако качается,
И солнце льет свой ровный свет...
Никак ответ не получается,
Никак не сходится ответ.

И кто-то там, среди мать-и-мачехи,
Приподнимается с земли:
— Ау, ребята! Где вы, мальчики?
Пришли бы, что ли, помогли...

1954

* * *

К чему копить ничтожные обиды,
Им не давать исчезнуть без следа,
Их помнить, не показывая виду
И даже улыбаясь иногда!

Они мелки, но путь их страшно долог,
И с ними лучший праздник нехорош.
Они — как злой блуждающий осколок:
Болят внутри, а где — не разберешь.

Вот почему я их сметаю на пол,
Пускай не все, но большую их часть.
Осколок только кожу оцарапал,
А мог бы в сердце самое попасть.

1954

* * *

Бывает, в парке в летний вечер
Заметишь нескольких девчат.
Они идут тебе навстречу
И что-то тихо говорят.

Но вот тебя в листве зеленой
Увидят — и наперебой,
Пожалуй, слишком оживленно,
Заговорят между собой.

Как бы самим себе внушая,
Что нет им дела до тебя,
И в то же время обращая
Твое внимание на себя.

...А мне милее на рассвете
Среди полей встречать девчат.
Они, вдали тебя заметив,
Как по команде, замолчат.

И, приближаясь тропкой росной,
Некстати речь не заведут.
Преувеличенно серьезно
Пройдут. Но только лишь пройдут,

Вмиг о серьезности забудут
И засмеются. И не раз
Потом оглядываться будут,
Пока не скроешься из глаз...

1954

* * *

Я был суров, я все сгушал
И в дни поры своей весенней
Чужих ошибок не прощал
И не терпел сторонних мнений.

Как раздражался я порой,
Как в нелюбви не знал покоя!..
Сказать по совести, со мной
Еще случается такое.

Но, сохраняя с прошлым связь,
Теперь живу я много проще:
К другим терпимей становясь,
К себе взыскательней и жестче.

1956

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ

М. Бернесу

Я люблю тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново,
Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова.

Вот уж окна зажглись,
Я шагаю с работы устало.
Я люблю тебя, жизнь,
Я хочу, чтобы лучше ты стала.

Мне немало дано —
Ширь земли и равнина морская.
Мне известна давно
Бескорыстная дружба мужская.

В звоне каждого дня
Как я счастлив, что нет мне покоя!
Есть любовь у меня, —
Жизнь, ты знаешь, что это такое.

Как поют соловьи.
Полумрак. Поцелуй на рассвете.
И вершина любви —
Это чудо великое — дети.

Вновь мы с ними пройдем
Детство, юность, вокзалы, причалы.
Будут внуки потом —
Все опять повторится сначала.

Ах, как годы летят!
Мы грустим, седину замечая.
Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли, тебя защищая?

Так ликуй и вершись
В трубных звуках весеннего гимна!
Я люблю тебя, жизнь.
Я надеюсь, что это взаимно.

1956

* * *

По горным кряжам, вырубкам и долам,
На краткий миг склоняясь над ручьем,
Шагал я с неудобным и тяжелым
Противотанковым ружьем.

В ночи ориентируюсь по звездам,
Пуская ввысь махорочный дымок,
Привык себя считать я очень взрослым —
Иначе б это выдержать не смог.

Я спал, постелью хвойною исколот,
Горело натруженное плечо...
Лишь в тридцать лет я понял, что я молод,
Что сорок — тоже молодость еще.

1956

ВЕСНОЙ

Первый ливень над городом лупит,
Тарахтит в водосточной трубе.

— Ах, никто меня в мире не любит! —
Врет девчонка самой же себе.

Брызги тучей стоят над панелью.
А девчонка в квартире одна,
Врет от радости и от веселья
У раскрытого настежь окна.

Дождь с размаху по улицам рубит,
По троллейбусным крышам стучит.
— Ах, никто меня в жизни не любит! —
Звонко голос счастливый звучит...

1956

* * *

Под взглядом многих скорбных глаз,
Усталый, ветром опаленный,
Я шел, как будто напоказ,
По деревушке отдаленной.

Я на плечах своих волок
Противогаз, винтовку, скатку.
При каждом шаге котелок
Надсадно бился о лопатку.

Я шел у мира на виду —
Мир ждал в молчанье напряженном:
Куда сверну? К кому зайду?
Что сообщу солдатским женам?

Пусть на рассвете я продрог,
Ночуя где-нибудь в кювете, —
Что из того! Я был пророк,
Который может все на свете.

Я знал доподлинно почти,
Кто цел еще, а с кем иное.
И незнакомые в пути
Уже здоровались со мною.

А возле крайнего плетня,
Где полевых дорог начало,
Там тоже, глядя на меня,
В тревоге женщина стояла.

К ней обратился на ходу
По-деловому, торопливо:
— Так на Егоркино пройду?
— Пройдете, — вздрогнула. — Счастливо.

Поспешно поблагодарил,
Пустился — сроки торопили..
— Ну что? Ну что он говорил? —
Ее сейчас же обступили.

1956

* * *

Евг. Винокурову

Стучит по крыше монотонно,
Беззвучно льется по стеклу,
Бурлит в канавке из бетона,
Бормочет в кадке на углу.

В полночной мгле свистит над полем,
Шуршит по листьям мокрых рош...

Когда б я был собой доволен,
То как бы спал под этот дождь!..

1956

СЛЕЗЫ

В поселке пригородном слякоть,
За перелеском стук колес..
Давно я разучился плакать,
Не помню, вкус какой у слез.

Лишь иногда порой ночью,
Не потревожив тишину,
Над чьей-то сладкою строкою
Слезинку выдавишь одну.

Умели прежде умиленно
Всплакнуть у друга на плече.
Но каждый век — свои законы,
И мы живем в другом ключе.

Какие дни, какие грозы!
Цветут цветы по страшным рвам...
О человеческие слезы,
Мы понимаем цену вам.

Вам, молодым, первоначальным,
И вам, ползущим средь морщин,
Вам, и счастливым и печальным,
И вам, что просто без причин,

Слезам фальшивым и лукавым,
Что ни горьки, ни солонь,
Слезам открытым, величавым
И тем, что вовсе не видны.

1957

* * *

Меж бровями складка.
Шарфик голубой.
Трепетно и сладко
Быть всегда с тобой.

В час обыкновенный,
Посредине дня,
Вдруг пронзит мгновенной
Радостью меня.

Или ночью синей
Вдруг проснусь в тиши

От необъяснимой
Нежности души...

1958

НАДПИСЬ, ВЫСЕЧЕННАЯ НА КАМНЕ В ГОРАХ

Упаси вас бог познать заботу
Об ушедшей юности тужить,
Делать нелюбимую работу,
С нелюбимой женщиною жить.

У ТОЧИЛЬНОГО КРУГА

Лес снегом засыпан. Дыхания дыма
У круга точильного ночью стоим.

Я ручку верчу, тешу силу свою,
Как будто тяну из колодца бадью.

Точило, вращаясь, идет тяжело.
Горят топоры под луной, как стекло.

А искры блестят, точно брызги летят.
Ах, сколько же дней это было назад!

Ах, сколько же зим отшумело с тех пор,
Как перед работой точил я топор!

Точил — говорил: — Ты, браток, не шути,
Точило, дружок, веселее крути,

Чтоб по лесу вновь зазвучали шелчки,
Когда топором обрубают сучки,

Чтоб был мой топор, будто бритва, остер,
Чтоб камень зазубрины с лезвия стер!

Стоял я тогда у начала начал,
И палец из варежки драной торчал.

Вращаясь, точило тяжелое шло,
И лишь от луны да от снега светло.

— Крути веселей! — Прибаутки и смех.
А с сосен медлительно падает снег.

И рвется тревожно в морозную даль
Звук резкий: то камня касается сталь.

1958

СОЛОВЬИНЫЙ КОРИДОР

Цвела черемуха в ту пору
От корабля в пяти шагах.
Шло судно, как по коридору,
В цветущих узких берегах.

А соловьев шальная сила
Мир заполняла до краев,
Их даже слишком много было,
Аж стон висел от соловьев.

Над речкою, как покрывало,
Не торопясь, копился пар.
На разных палубах стояло
Десятка два недвижных пар.

А соловьи всё пели, пели,
Перекликались соловьи.
И люди вслушивались в трели
И в чувства светлые свои.

Назавтра музыка в салоне
Всех разбудила в поздний час.
Пестрели домики на склоне,
Раздолья радовали глаз.

Степные открывались дали,
Мы выходили на простор
И чуть смущенно вспоминали
Тот соловьиный коридор.

1960

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вернулся муж с большой войны.
Ушла родня, все гости тоже,
И слушал он шаги жены,
Уже в постели мягкой лежа.

В буфет посуду убрала,
Поднять окурок наклонилась,
Сняла скатерку со стола
И, наконец, угомонилась.

Шинели тронула рукав,
Щекой припала, вся зарделась,
Потом прошла за старый шкаф,
Свет погасила и разделась.

1960

ВЕСЕННЯЯ ПРИРОДА

О первые весенние мазки,
Природы ученическая робость!
Разрозненные пробные листки —
От пышных роц их отделяет пропасть.

Удаче каждой радуется глаз.
Зацвел орешник — нет его дороже.
Казалось бы, уже в который раз
И всякий год почти одно и то же.

Наверное, есть навык, мастерство, —
В который раз она кроит она и лепит.
Но мысль: «А вдруг не выйдет ничего?» —
В который раз ее ввергает в трепет.

1960

* * *

Трус притворился храбрым на войне,
Поскольку трусам спуску не давали.
Он, бледный, в бой катился на броне,
Он вяло балагурил на привале.

Его всего крутило и трясло,
Когда мы попадали под бомбежку.
Но страх скрывал он тщательно и зло
И своего добился понемножку.

И так вошел он в роль, что, наконец,
Стал храбрецом, почти уже природным.
Неплохо бы, чтоб, скажем, и подлец
Навечно притворился благородным.

Скрывая подлость, день бы ото дня
Такое же выказывал упорство.
Во всем другом естественность цена,
Приветствую подобное притворство!

1961

* * *

Ниспроверяют незаслуженно
Порой талант. И он молчит.
Зато посредственность натуженно
Сама взбирается на щит.

Пускай потешится. Пожалуйста.
Ведь совесть времени чиста.
Оно бесстрастно и безжалостно
Все ставит на свои места.

Забыто все пустопорожнее,
Всему достойному — хвала,
И возвеличиванье ложное
Страшней, чем ложная хула!

1961

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь взгрустнешь
Ты обо мне немножко.
Когда-нибудь всплакнешь
У мутного окошка.

В холодной ряби луж
Девочки моют боты.
И твой — как странно! — муж
Идет уже с работы.

Дождливым серым днем
Войдет и плащ свой сбросит.
— Ну, что? Опять о нем? —
Тебя с обидой спросит.

1962

ПРЫЖОК

Полосы литой бетон.
От винтов свистящих — вьюга.
Парашют уложен туго,
Аккуратный, как бутон.

Что вы знали на веку,
Вы, что там, внизу, живете,
Если даже в самолете
Вы бывали наверху?

Окунаясь в воздух злой,
Корабля покинув лоно,
Не скользили вы наклонно
Между небом и землей.

Ветра твердая струя
Не швыряла вас для пробы
В неба рыхлые сугробы —
В них проваливался я!

Что вы знали там, внизу?
Что с дождем идет прохлада
И что прятаться не надо
Под деревьями в грозу.

Не крутил вас этот шквал
Вряд ли были вам желанны
Неба синие поляны,
По которым я гулял.

Кто б сказать вам это мог.
Если б купол надо мною,
Ярко брызнув белизною,
Не раскрылся, как цветок?

1962

ВОСПОМИНАНИЯ

По-разному живут воспоминанья:
Одни выходят строем из леса,
И заполняют медленно сознание
Их оккупационные войска.

Другие — безыскусственность какая! —
Как журавли усталые весной,
Курлыканьем щемящим окликаая,
Проходят ранней ранью надо мной.

А третьи — сквозь жару и сквозь заносы
Давно прошли, у них характер крут.
Они во мне сидят прочней занозы,
Они — я сам, они со мной умрут.

1963

ДНЕВНОЙ СОН

Бывает днем, не по часам,
Заснешь случайно в кои веки,

И сколько спал — не знаешь сам,
Когда потом поднимешь веки.

Мешается со светом дня
Искусственное освещенье,
И это путает меня,
Как будто времени смещение.

Жизнь преломилась в сне дневном.
Душа смутилась, загорелась:
Послушай, что там за окном,
Там юность наша или зрелость?..

Покуда в тающем дыму
Одно мгновенье пролетает,
Открыл глаза — и не пойму,
Смеркается или светает.

1963

В ПАЛАТЕ

Словно ветер шумит в окне,
В мерзлых ветках стуча уныло.
Словно память о той войне,
Сердце вздрогнуло и заняло.

Словно в поле полки стоят,
В ледяной утопая жиже.
Словно где-то вдали снаряд
Засвистел — и все ближе, ближе.

Глубь воронки. Рассвет. Мороз.
Стихнул ветер, что пел тоскливо...
...Ночью сердце разорвалось,
И никто не слышал разрыва.

1963

* * *

Мы с ней расстались на исходе дня.
Нет, не запричитала, не завывала,
А через день она уже меня
Легко и так естественно забыла.

Ее судьба забросила от нас
В какую-то бригаду хоровую.
Я от нее услышал в первый раз:
«Война все спишет!» — фразу ходовую.

Она потом, кочуя по войне,
Таких, как я, не раз еще встречала,
И как мы распростились — обо мне
Не горевала даже и сначала.

Лишь иногда меня — каким я был —
Представит вдруг, но смутно и без пыла,
Считая, что и я ее забыл
Вот так же, как она меня забыла.

1963

* * *

Я спал на свежем клевере, в телеге,
И ночью вдруг почувствовал во сне,
Как будто я стремлюсь куда-то в беге,
Но тяжесть наполняет ноги мне.

Я, пробудившись резко и тревожно,
Увидел рядом крупного коня,
Который подошел и осторожно
Выдергивал траву из-под меня.

Над ним стояло звездное пыланье,
Цветущие небесные сады —
Так близко, что, наверно, при желанье
Я мог бы дотянуться до звезды.

Там шевелились яркие спирали,
Там совершали спутники витки.

24

А с добрых, мягких губ его свисали
Растрепанные мелкие цветки.

1964

* * *

Как изнашивается платье,
Так с годами от суеты,
Притупляется воспринять
Окружающей красоты.

На ветру, на холме высоком,
Ощущаю при блеске дня:
То, что раньше пронзало током,
Умиляет сейчас меня.

Западает сомненье в душу,
Что неправильно мы живем:
Там, где нужно смотреть и слушать,
Больше думаем о своем.

Я растерян, и я не знаю,
Неужели возможен час,
Где сама красота земная
Вообще не заденет нас.

Мне б дорогой пройти такую,
Чтоб в конце, погружаясь в сон,
Был, как в юности, потрясен
Далью, женщиною, строкою...

1964

* * *

Опять, опять сидишь со мною рядом,
Опять рука в руке.
Но смотришь ты отсутствующим взглядом,
Вся где-то вдалеке.

25

«Где ты сейчас?» — А ты не отвечаешь
На это ничего.
«Кто там с тобой?» — А ты не замечаешь
Вопроса моего.

Вложу я в крик всю боль и всю заботу.
Но мой напрасен зов.
Так, заблудившись, тщетно самолету
Кричат со дна лесов.

1964

* * *

В поэзии — пора эстрады,
Ее ликующий парад.
Вы, может, этому и рады,
Я вовсе этому не рад.

Мне этот жанр неинтересен,
Он словно мальчик для услуг.
Как тексты пишутся для песен,
Так тексты есть для чтения вслух.

Поэт для вящего эффекта
Молчит с минуту (зал притих),
И вроде беглого конспекта
Звучит эстрадный рыхлый стих.

Здесь незначительная доза
Самой поэзии нужна.
Но важен голос, жест и поза
Определенная важна.

1964

* * *

Я без тебя — как город без реки!
С утра пылает солнце надо мною,

И дни мои бывают нележки,
Открытые безжалостному зною.

В моих мечтах присутствует река,
И, проходя над здешними местами,
Огромные, как баржи, облака
Беззвучно проплывают под мостами.

Я без тебя — как город без реки:
Есть крыши, что взлетают к небосводу,
Сады, огни... Но женской нет руки,
Опущенной из красной лодки в воду.

1965

ПАМЯТЬ

...А утвержденья эти лживы,
Что вы исчезли в мире тьмы.
Вас с нами нет. Но в нас вы живы,
Пока на свете живы мы.

Девчонки те, что вас любили
И вас оплакали любя,
Они с годами вас забыли.
Но мы вас помним, как себя.

Дрожа печальными огнями,
В краю, где рощи и холмы.
Совсем умрете только с нами...
Но ведь тогда умрем и мы.

1965

СПИТ ЖЕНЩИНА

Спит женщина, и ты ей снишься ночью,
Когда кругом безмолвие и мгла,
Тем юношей, которого воочью
Она, конечно, видеть не могла.

Там, вдалеке, в холодном блеске полдня,
Десантный взвод взмывает к небесам.
Спит женщина, твои невзгоды помня
Больнее, чем ты помнишь это сам.

Она проходит длинною тропюю,
Как будто по твоей идет судьбе.
И даже знает о тебе такое,
Чего ты сам не знаешь о себе.

1965

* * *

Пустил летать по белу свету
Иль загубил ты соловья —
Возможно, что страницу эту
Не знают даже сыновья.

Легли такие расстоянья,
И миновало столько лет!..
Но каждое твое деянье
В тебе же оставляет след.

1966

* * *

Такая даль прозрачная за Волгой,
Такой покой в себе она таит,
Такая осень долгая стоит,
Что верится: жизнь тоже будет долгой.

1966

* * *

Резко озаренные луной
К дому поднимаются ступени,

И царит над скатертью льняной
Ворох фиолетовой сирени.

Над водою дремлют невода,
И вода качается устало.
Не смогу поверить никогда,
Чтобы вовсе этого не стало.

Жизнь, свершая свой прекрасный путь,
Этому не может покориться.
Но чуть-чуть внимательнее будь:
Многое уже не повторится.

1966

* * *

Дурная привычка души,
Проклятое свойство:
Повсюду — в глуши и в тиши —
Гнетет беспокойство.

В реке среди летнего дня
Берез отраженье.
Но не оставляет меня
И здесь напряженье.

Полей остывающих гладь
И небо из ситца.
Но вместо покоя — опять
Душа суетится.

1966

К ПОРТРЕТУ

Той давней, той немислимой весной,
В любви мужской почти не виноватая,
У низенькой земляночки штабной
Стоишь ты, фронтовая, франтоватая.

Теперь смотрю я чуть со стороны:
Твой тихий взгляд и в нем оттенок вызова.
А ноги неестественно стройны,
Как в удлинённом кадре телевизора.

Кудряшки — их попробуй накрути! —
Торчат из-под пилотки в напряжении.
И две твои медали на груди
Почти в горизонтальном положении.

В тот промелькнувший миг над фронтом тишь.
Лишь где-то слабый писк походной рации.
И перед объективом ты стоишь,
Решительно исполненная грации.

1966

ОПЫТ

Многое мы понимаем острее,
Сделавшись старше,
На протяжении жизни своей
Опытней ставши.

Мы понимаем: дороже всего
Трепет, горенье.
Может быть, это и есть мастерство
В стихотворенье.
Все остальное — настойчивый труд,
Блещущий обод.
Но чтоб постичь это, нужен и тут
Собственный опыт.

1966

ОСНОВНЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ КНИГИ К. Я. ВАНШЕНКИНА

Библиографическая справка

- «Песня о часовых», изд-во «Молодая гвардия», 1951, Москва.
«Лирические стихи», изд-во «Советский писатель», 1953, Москва.
«Портрет друга», изд-во «Советский писатель», 1955, Москва.
«Весна», изд-во «Правда», 1955, Москва.
«Волны», изд-во «Советский писатель», 1957, Москва.
«Лирика», изд-во «Советский писатель», 1959, Москва.
«Надпись на книге», изд-во «Молодая гвардия», 1960, Москва.
«Окна», изд-во «Советский писатель», 1962, Москва.
«Избранное», Гослитиздат, 1963, Москва.
«Другу», стихи, положенные на музыку (с нотами), изд-во «Молодая гвардия», 1965, Москва.
«Повороты свега», изд-во «Советский писатель», 1965, Москва.
«Стихотворения», изд-во «Художественная литература», 1966, Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Мальчишка	5
Сердце	6
«Самая насущная забота...»	8
Зимние сумерки	9
Студентки	10
«К чему конить ничтожные обиды...»	10
«Бывает, в парке в летний вечер...»	11
«Я был суров, я все стужал...»	11
Я люблю тебя, жизнь	12
«По горным кряжам, вырубкам и долам...»	13
Весной	13
«Под взглядом многих скорбных глаз...»	14
«Стучит по крыше монотонно...»	15
Слезы	15
«Меж бровями складка...»	16
Надпись, высеченная на камне в горах	17
У точильного круга	17
Соловиный коридор	18
Возвращение	19
Весенняя природа	19
«Трус притворился храбрым на войне...»	20
«Ниспровергают незаслуженно...»	20
Когда-нибудь	21
Прыжок	21
Воспоминания	22
Дневной сон	22
В палате	23
«Мы с ней расстались на исходе дня...»	24
«Я спал на свежем клевере, в телеге...»	24
«Как изнашивается платье...»	25
«Опять, опять сидишь со мною рядом...»	25
«В поэзии — пора эстрады...»	26
«Я без тебя — как город без реки...»	26
Память	27
Спит женщина	27
«Пустил летать по белу свету...»	28
«Такая даль прозрачная за Волгой...»	28
«Резко озаренные луной...»	28
«Дурная привычка души...»	29
К портрету	29
Опыт	30
Основные поэтические книги К. Я. Вайшенкина	31